

На правах рукописи

Мартиросян Георгий Эдуардович

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ АФРОФУТУРИЗМА
В АМЕРИКАНСКОМ И НИГЕРИЙСКОМ РОМАНЕ

5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре сравнительной истории литературы института филологии и истории ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Научный руководитель: **Морозова Ирина Васильевна**
доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литературы института филологии и истории ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты: **Головачева Ирина Владимировна**
доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков и культур филологического факультета ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет»

Щепачева Инна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Высшей школы зарубежной филологии и межкультурной коммуникации им. И.А. Бодуэна де Куртенэ института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 01.04.2026 в 15:00 на заседании диссертационного совета 72.2.007.10 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064 г. Москва, Малый Казенный пер., 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226 г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4 – и на сайте ГАОУ ВО МГПУ: www.mgpu.ru

Автореферат разослан _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Герасимова С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Термин «афрофутуризм» впервые введен в научный обиход американским культурологом М. Дери в 1994 г. для обозначения художественных практик, в которых афроамериканские писатели с опорой на технологии и фантастику переосмысливают болезненное прошлое и проектируют справедливое будущее. Дери рассматривал афрофутуризм как форму сопротивления историческому беспамятству¹. С конца XX в. научная фантастика стала открыта к голосам чернокожих писателей, афрофутуризм расширил границы жанра, и вслед за этим исследователи начали понимать его как художественную практику, соединяющую фантастический, космический и технологический нарративы для переосмысления черной идентичности². Под «афрофутуризмом» в диссертации в соответствии с концепцией американской исследовательницы И. Вомэк понимается междисциплинарное движение, призванное восстановить роль африканцев как субъектов мировой истории и культуры, в том числе, литературы³.

Выбор США и Нигерии в качестве стран, романы которых сопоставляются в диссертационном исследовании, обусловлен их особым положением в развитии афрофутуристической литературы. Обе страны связаны общим, хотя и не синхронным опытом подчинения британской короне, однако их культурно-исторические траектории оказались принципиально различными. Это различие предопределяет своеобразие нарративов о будущем, формируемых американскими и нигерийскими афрофутуристами, и оно же обеспечивает богатую почву для выявления универсальных и локальных особенностей афрофутуристического романа. Сопоставление этих двух национальных традиций дает возможность выявить степень адаптивности афрофутуристического дискурса к конкретным контекстам и проследить, каким образом и почему он меняется при трансконтинентальном экспорте идей между крупнейшей страной Северной Америки и наиболее населенной страной Африки.

В качестве иллюстративного в исследовании рассматривается афрофутуризм в литературе Канады. Наше внимание к этой стране объясняется прежде всего тем, что афроканадская и карибоканадская традиции одними из первых продемонстрировали механизмы усвоения афрофутуристических установок, впервые сформировавшихся в литературе

¹ Dery M. *Black to the Future: Interviews with Samuel D. Delany, Greg Tate, and Tricia Rose*. – Durham: Duke University Press, 1994. – P. 19

² Anderson K. *Afrofuturism and World Order*. – Columbus: Ohio State University Press, 2025. – 208 p.

³ Womack Y. *Post-Black: How a New Generation Is Redefining African American Identity*. – Chicago: Lawrence Hill, 2010. – P. 42

США. Кроме того, в афроамериканской культуре Канада традиционно осмысляется как пространство свободы благодаря вошедшей в историю деятельности аболиционистов и более ранней по сравнению с США официальной отменой рабства. Однако канадские афрофутуристы все настойчивее фиксируют недостаточную степень проработки исторического наследия своей страны и его репрезентации в литературных текстах⁴.

В зарубежной, прежде всего американской, науке афрофутуризм имеет устойчивую теоретическую базу. За последнее десятилетие это движение в странах Северной Америки и Африки институционализировалось, его понятийный аппарат расширился, а главный акцент сместился на цифровые, медийные и диаспоральные модусы репрезентации. В то же время в российском литературоведении и гуманитарном исследовательском поле в целом проблемы изучения афрофутуризма остаются недостаточно разработанными. Публикации по теме носят преимущественно фрагментарный характер⁵. Отсутствует устоявшаяся терминологическая рамка, практически не описаны жанровые инварианты, не выработана методика анализа художественных установок афрофутуризма на материале разных национальных традиций.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнять эти лакуны на фоне возросшего интереса гуманитарной науки к транснациональным и кросс-культурным формам литературного выражения, к фантастическим жанрам, которые отражают динамику формирования идентичности в постколониальном и диаспоральном контекстах. Объединяющий элементы научной фантастики, африканской мифологии, социальных утопий, афрофутуризм выступает важным инструментом осмысления культурной памяти и проектов будущего, сопряженных с опытом чернокожих.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые в российском литературоведении афрофутуризм рассматривается как целостное явление и проводится комплексное сопоставление реализации его ключевых художественных установок на примере американского и нигерийского романа первой четверти XXI в. Исследование позволяет, с одной стороны, углубить представления об афрофутуризме как направлении, а с другой – создать основу для дальнейшего изучения футурологических моделей, формируемых

⁴ Hunter A. It Was Dark There All the Time: Sophia Burthen and the Legacy of Slavery in Canada. – Fredericton: Goose Lane Editions, 2022. – 328 p.

⁵ Морозова И.В. Коллективная память в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога». – Вестник УдмГУ. – 2018. – №5. – с. 736-741. Былина Е. Утопия «Черной Атлантиды»: афрофутуризм и электронная музыка. – Неприкосновенный запас. – 2019. – №3. – с. 219-238. Зубов А.А. Афрофутуризм и фантастика XXI века. – Территория Л. – 2019. – №46. – URL: <https://gazetargub.ru/?p=11188> (дата обращения: 29.11.2025)

писателями африканского происхождения в различных культурных пространствах. Определение национально-специфических черт афрофутуристического романа в США и Нигерии раскрывает зависимость развития жанра от локальных традиций и исторических условий, а также уточняет его место в литературных системах обеих стран.

Материалом диссертации послужили восемь романов, написанных авторами из США и Нигерии на английском языке в 2010-2020-х гг. Американский корпус афрофутуристических текстов включает романы: «Подземная железная дорога» («The Underground Railroad», 2016) К. Уайтхеда (единственный из привлеченных романов, переведенный на русский язык), «Враждебность призраков» («An Unkindness of Ghosts», 2017) Р. Соломон, «Барабаны Черного бога» («The Black God's Drums», 2018) Ф.Д. Кларка (Д. Габриэля), «Испытания кровью» («The Blood Trials», 2022) Н. Дэйвенпорт. Нигерийский корпус афрофутуристических текстов включает романы: «Пэт» («Pet», 2019) А. Эмези, «Сын шторма» («Son of the Storm», 2021) С. Окунгбовы, «Не откликайся на имя» («Don't Answer When They Call Your Name», 2023) У. Олисакве и «Закаленная кровью» («Forged to Blood», 2023) Э. Окосун. Выбор этих романов продиктован их репрезентативностью в рамках афрофутуристической практики в литературах США и Нигерии и способностью отразить ключевые художественные установки и идеологию афрофутуризма как движения.

Кроме того, вспомогательным материалом в диссертации выступают романы «Лагуна» («Lagoon», 2014) Н. Окорафор, «Родня» («Kindred», 1979) и «Притча о сеятеле» («Parable of the Sower», 1993) О. Батлер, «Домино на перекрестках» («Dominoes at the Crossroads», 2020) К. Келлоу, «Радости материнства» («The Joys of Motherhood», 1979) Б. Эмечеты, «Интуитивист» («The Intuitionist», 1999) К. Уайтхеда и трилогия «Расколота Земля» («The Broken Earth») Н.К. Джемисин, состоящая из романов «Пятое время года» («The Fifth Season», 2015), «Врата обелиска» («The Obelisk Gate», 2016) и «Каменные небеса» («The Stone Sky», 2017).

Целью диссертационного исследования является выявление, описание, объяснение и сопоставление художественных установок в американском и нигерийском афрофутуристическом романе.

Под «художественными установками» в работе понимается «совокупность позиций и настроек, которые определяют подход к восприятию и интерпретации произведения искусства»⁶. В работе выделяются четыре фундаментальные художественные установки афрофутуризма, а именно:

⁶ Berleant A. Sensibility & Sense: The Aesthetic Transformation of the Human World. – Devon: Imprint Academic, 2010. – P. 18

репрезентация и переосмысление исторической травмы, интеграция черной мифологии и фольклора, исследование влияния технологий на идентичность персонажей, репрезентация социальных проблем афроцентричных художественных миров.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- объяснить, как исследователи понимают афрофутуризм и афрофутуристическую эстетику;
- обозначить и интерпретировать особенности афрофутуризма в литературе США и Нигерии, его место в литературном процессе обеих стран;
- объяснить отличительные черты афрофутуристической традиции, складывающейся в литературном процессе Канады как первой страны, адаптировавшей эту американскую эстетику;
- объяснить значение женского художественного субъекта в афрофутуристическом романе обеих исследуемых стран;
- выявить и объяснить художественные механизмы переосмысления травмы, ревизии истории, технологизации идентичности персонажей в американском афрофутуристическом романе;
- обнаружить и трактовать способы переосмысления травмы колонизации и последствий деколонизации, борьбы за доступ к инновациям и возвращения к культурным истокам в нигерийском афрофутуристическом романе;
- выполнить компаративный анализ реализации афрофутуристических художественных установок в американских и нигерийских афрофутуристических романах.

Объектом исследования выступает афрофутуризм как художественное явление и как фантастический нарратив.

Предметом исследования являются художественные установки и поэтические стратегии, посредством которых афрофутуристических идеи реализуются в американских и нигерийских романах первой четверти XXI в., а также их сравнительные особенности.

В исследовании применяются **методы**: сравнительно-исторический, типологический, нарратологический, структурно-семиотический, мифопоэтический, интертекстуальный, метод текстологического и стилистического анализа, гендерный анализ.

Теоретико-методологической основой диссертации послужили труды российских и зарубежных исследователей в следующих областях:

- теории научной фантастики и фантастического (И.В. Головачева, Е.Н. Ковтун, Д. Сувин, Р. Лакхерст, К. Фридман, Т. Мойлан, А. Робертс, Б. Олдисс и Д. Вингоув, И. Чисери-Ронаи, Дж. Ридер, К. Уорнс и К.А. Сассер);
- литературе травмы, пост-памяти и исторической памяти (К. Карут, Ш. Фельман и Д. Лауб, М. Хирш, А. Ассман);
- постколониальной теории (Т.М. Гавристова и Н.Е. Хохолькова, Ф. Фанон, Дж. Ачике Агбакоба, А. Аджепонг, А. Мбембе, Э. Саид, Дж. Комаров);
- теории афрофутуризма (М. Дери, К. Эшун, А. Нельсон, И. Лавендер III, Г. Гипсон, И. Вомэк, Р. Андерсон, Э. Сандей и Дж. Акунг);
- компаративистике (В.Б. Земсков и Т.Н. Красавченко, И. Шайтанов, Д. Дюришин);
- теории мифа, мифопоэтики и фольклору (В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский, М. Элиаде, Р. Барт);
- теории современной англоязычной литературы США и Нигерии (Н.Ю. Ильина, А.В. Ляхович, З.В. Мокрушина, П. Джайлс, Б. Джейифо, Л. Аканде, Дж. Джордан, Т. Фалола, Э. Осаге, Дж. Муди-Фридман, Г. Луис Гейтс-мл., Х. Бейкер-мл., С. Джексон)

Теоретическая ценность исследования состоит в уточнении понятийного аппарата и литературоведческих подходов к анализу афрофутуристического романа, развитии теории современной фантастической литературы, демонстрации способов функционирования фантастического, мифопоэтического и травматического модуса в транснациональном контексте.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в общих специальных курсах по истории литературы США, Нигерии и Канады, а также специальных курсах по компаративистике и современному фантастическому нарративу.

Положения, выносимые на защиту:

1. в американском афрофутуристическом романе установка на переосмысление исторической травмы акцентирует память персонажей о рабстве, в то время как в нигерийском она направлена на восстановление культурной целостности героев;
2. интеграция мифов и фольклоров является общей установкой для американского и нигерийского афрофутуристического романа, но в первом случае она структурирует альтернативную историю, а во втором – создает автономный мифопоэтический мир, опирающийся на локальные традиции;

3. в афрофутуристическом романе США технологии выступают инструментом контроля и стратификации персонажей, а в нигерийском формируют доброжелательные гибридные системы, сочетающие научный прогресс и магические структуры;
4. в американском афрофутуристическом романе социальные конфликты строятся вокруг расовой и институциональной дискриминации персонажей, в нигерийском – вокруг политического насилия, неравного распределения власти и борьбы за ресурсы в художественном мире;
5. сравнение восьми афрофутуристических романов показывает, что в американском афрофутуристическом романе образ главного героя строится через сопротивление угнетению, а в нигерийском – через связь с мифологическими и ритуальными системами;
6. компаративный анализ четырех пар афрофутуристических романов подтверждает существование двух устойчивых национальных моделей афрофутуристического письма, объединенных общими установками, но различающихся способами художественной реализации фантастического, мифопоэтического и социального.

Апробация работы. Основные положения работы излагались в докладах на международных и всероссийских научных конференциях в Москве и Казани. Концепция диссертации представлена в 4 научных работах в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ общим объемом в 2,48 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 260 наименований. Общий объем диссертации составляет 194 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение раскрывает актуальность изучения афрофутуризма, определяет объект, предмет, цель и задачи исследования, выделяет новизну, теоретическую и практическую значимость работы, формулирует ключевые понятия, обозначает причины выборы США и Нигерии как репрезентативных стран изучения, определяет теоретико-методологическую базу, формулирует положения, выносимые на защиту, и задает рамки дальнейшего анализа.

Первая глава «Афрофутуризм как явление в литературе США и Нигерии» состоит из шести параграфов. В них рассказывается об условиях, в которых афрофутуризм формировался в США и Нигерии, его месте в литературном процессе этих стран, значении женских персонажей в американском и нигерийском афрофутуристическом романе. Один из параграфов посвящен особенностям канадского литературного афрофутуризма.

В первом параграфе **«Контекст формирования афрофутуристической прозы в США»** утверждается, что американский афрофутуризм сформировался на пересечении критики европоцентристской истории, анализа афроамериканской идентичности, осмысления технокультуры и переосмысления научно-фантастического жанра. Особое значение для американского афрофутуризма имеют идеи М. Дери, который ввел термин «афрофутуризм» и определил его как художественную практику, направленную на восстановление афроамериканской исторической памяти, критику расового угнетения и освоение научно-фантастических и технологических образов через африканскую оптику. Вслед за Дери афрофутуризм начал осмысляться как движение по созданию альтернативных версий прошлого и будущего, в которых африканские персонажи занимают позицию субъектов истории (И. Вомэк, Д. Янси, Р. Андерсон). Афрофутуризм предстает критическим методом, выявляющим механизмы искажения черного опыта в медиальной и цифровой среде. Янси акцентирует связь афроамериканской идентичности с коллективной памятью и указывает на устойчивость схем восприятия чернокожести через призму «белой нормы». Вомэк подчеркивает необходимость переосмысления способов, которыми афроамериканцы описывают себя в настоящем и воображаемом будущем. Эти подходы объясняют, почему афрофутуристический роман столь последовательно обращается к проблемам самовосприятия и культурной автономии.

Проблема исторической репрезентации занимает центральное место в исследованиях Л. Яшек, Б. Бролсмы, Р. Батлина, Дж. Свингена. Они

показывают, что традиционная европоцентристская историография исключала африканский опыт. На этом основании американские афрофутуристы обращаются к альтернативным моделям времени и памяти, а мотив «инопланетности», возникающий из истории трансатлантической торговли, получает концептуальное значение. Концепция «двойного сознания» У.Э.Б. Дюбуа, работы З.Н. Херстон и исследователей, связанных с идеями Ф. Боаса, подчеркивают внутреннюю раздвоенность афроамериканской идентичности и предлагают интерпретировать афроамериканскую культуру как результат синтеза, способного к постоянному обновлению. Такой теоретический фундамент объясняет стремление афрофутуристов к поиску новых форм расовой и культурной субъектности.

Американский афрофутуризм формируется в диалоге с историей научной фантастики, о которой пишут Д. Ридер и И. Чисери-Ронаи. Они связывают становление жанра с эпохой империализма, когда НФ-дискурс закрепил иерархические расовые модели и предвзято конструировал образ чернокожих. Американские афрофутуристы критически переосмысливают эту традицию и стремятся ввести афроамериканский опыт в жанр, откуда он исторически был исключен. Наконец, заметное влияние на американских афрофутуристов оказывает технокультура и постгуманистическая теория. Н. Хейлз, Р. Бенджамин, Ш. Зубофф показывают, что цифровые технологии воспроизводят расовое неравенство. В афрофутуризме эти идеи находят отражение через мотив технологического сбоя. Вместе с тем они расширяют медиальное поле всего движения до мультимедийных и AI/AR-проектов.

Второй параграф **«Особенности фантастического в американском афрофутуризме»** показывает, что способность переосмысливать прошлое и предлагать новые варианты будущего в американском афрофутуристическом романе обеспечивается фантастическим компонентом. Он рассматривается как художественный модус, который не тождествен жанру фантастики в ее исторически сложившемся виде. Вслед за И.В. Головачевой фантастическое определяется как прием репрезентации невозможного, форма остранения, меняющая свою прагматику в зависимости от жанровых конвенций. Такой подход позволяет анализировать афрофутуристическую прозу как сложный синтетический материал, который использует различные типы нереального (научный, мифопоэтический, сверхъестественный) для моделирования альтернативных форм опыта и идентичности. Концепция Е.Н. Ковтун о первичной и вторичной художественной условности позволяет уточнить, что афрофутуристический мир строится на сочетании новума (Д. Сувин) и

мифологической образности и формирует уникальную модель афродиаспоральной реальности.

Афрофутуристический роман опирается на эффект когнитивного отчуждения и водит новум, который служит интеллектуальному осмыслению социального и исторического опыта чернокожих сообществ. Новум в этой литературе может иметь как технологическую, так и социокультурную природу, но он неизменно направлен на переоценку исторической памяти и реконструкцию возможных форм будущего. В отличие от классической фантастики, американский афрофутуризм включает в этот механизм переработку африканских и афроамериканских духовных традиций. Это определяет его специфическую жанровую гибридность и позволяет соединять научно-фантастический рационализм с мифопоэтическим содержанием.

В американском афрофутуристическом романе фантастическое выполняет функции, связанные со всеми четырьмя художественными установками, выделенными в диссертационном исследовании. Оно позволяет работать с травматическим прошлым, реконструировать альтернативные идентичности и создавать аллегорические художественные миры. Прием фантастического делает возможным как возвращение к коллективной памяти, так и ее преобразования. С его помощью выстраиваются утопические и дистопические проекции времени, в которых выявляются механизмы угнетения и возможности освобождения. Благодаря этому фантастическое превращается в инструмент культурной и исторической деконструкции и обеспечивает афрофутуристическому роману возможность заново осмыслить прошлое и предложить новые сценарии будущего.

Третий параграф «Афрофутуризм в литературе Канады. Реконструкция мифа о нации» посвящен рассмотрению канадской версии афрофутуризма. В отличие от США, где он формируется на фоне институционально зафиксированной истории рабства и широкой документальной базы, в Канаде афрофутуризм исходит из необходимости восполнить пробелы национальной историографии. Р. Винкс, Ш. Купер, К. Фрост и другие исследователи фиксируют факт систематического вытеснения черного опыта из официального канадского нарратива и показывают, что миф о Канаде как о «земле свободы» для афроамериканцев не выдерживает критики. Канадский афрофутуризм ориентирован на восстановление отсутствующей исторической памяти.

Эта специфика определяет базу канадского афрофутуризма, опирающегося не на классическую концепцию М. Дери, а на идеи «афрофутуризма 2.0» (Р. Андерсон и Ч. Джонс) и акцентирующего локальные ремесленные технологии и феномен цифрового разрыва. Технологичность

трактуются канадскими афрофутуристами как элемент народной культуры и форма воспроизводства смысла, а не как обязательная научно-фантастическая составляющая. Центральным для анализа канадской версии афрофутуризма выбран сборник рассказов «Домино на перекрестках» К. Келлоу. Изображаемое им художественное пространство строится на принципах параисторичности, мультитемпоральности и интерпозитивности и воплощает все четыре афрофутуристические художественные установки, обозначенные ранее. У Келлоу они получают дополнительный смысл, поскольку компенсируют отсутствие документальных свидетельств о жизни африканцев в колониальной и постколониальной Канаде. Через приемы экфрасиса, квазидокументальных вставок, мифопоэтического хронотопа и многоточечной миграции персонажей сборник Келлоу реконструирует пространство, в котором черная альтернативная нация не возникает в будущем, а заново утверждает свое прошлое и восстанавливает непрерывность культурного времени.

В четвертом параграфе **«Значение афрофутуризма в литературном процессе Нигерии»** показывается логическое продолжение процессов, описанных на американском и канадском материале, но укорененных в ином историко-культурном пространстве. В отличие от стран Северной Америки, в Нигерии афрофутуризм формируется на основе опыта британской колонизации, гражданской войны, военных переворотов и затяжной политической нестабильности. Исследователи отмечают явление «колониальной ностальгии», когда постколониальное разочарование соединяется с критическим взглядом на прошлое (И. Имо-Ита, Л. Амади, Р. Акпан). Такая двойственность задает тон значительной части нигерийской прозы. Уже в реалистическом каноне (Ч. Ачебе, В. Сойинка, Б. Эмечета, Ч. Адичи) закрепляются четыре ключевые тематические оси нигерийской литературы – последствия колониализма, этнорелигиозная напряженность, положение женщины, итоги деколонизации. Афрофутуризм, начавший формироваться в нигерийской литературе в 2010-х гг., перераспределяет этот тематический комплекс в пространстве спекулятивной фантастики и тем самым продолжает национальную литературную традицию.

Длительное преобладание реалистической парадигмы и педагогической функции литературы долго препятствовало включению научной фантастики в нигерийский канон. Жанр воспринимался как чуждый реальным проблемам страны (М. Адежунмоби, Д. Брайс). При этом элементы фантастического и сверхъестественного никуда не исчезали из нигерийской словесности. Уже ранние романы Д.О. Фагунвы и А. Тутолы, а затем и тексты Б. Окри интегрировали фольклор, мифологию, чудесное в современный сюжет и

создавали основу для синтеза традиционного мифопоэтического мышления с современными реалиями.

С конца 2000-х гг. начинает складываться собственно нигерийская научно-фантастическая традиция, и в ее рамках формируется афрофутуризм. Особое значение для него имеет Н. Окорафор, американка нигерийского происхождения, чей роман «Лагуна» перенес классические фантастические сюжеты в нигерийский контекст и показали, что Лагос может стать центром мирового фантастического воображения. «Лагуна» переосмысливает сюжет первого контакта с инопланетянами, превращает их вторжение в аллегорию экологического кризиса, религиозного фанатизма и абсолютной беспомощности государства. Лагос как локус тщательно прописывается Окорафор, он превращается в инструмент локальной самопрезентации и panaфриканского воображения будущего.

Специфика нигерийской афрофутуристической литературы заключается в устойчивом синтезе научно-технического и мифологического начал. Фантастическое реализуется через научные допущения, представляет научно-магический сплав. Персонажи одновременно пользуются технологиями и вступают в контакт с духами и предками, а инопланетные существа интегрируются в общества йоруба и игбо, получают местные имена, проходят ритуал присвоения. Равноправие различных форм сознания и опыта в нигерийском афрофутуризме подчеркивается поливокальной структурой повествования. В результате он не превращает связь с прошлым в ресурс для моделирования будущего, где африканские персонажи выступают субъектами. Сам афрофутуризм вписался в нигерийскую литературную традицию как авангардное продолжение реалистической традиции с сохранением ее обличительной функцией.

Нигерийский афрофутуризм формируется в продолжение других африканских концепций – Африканского возрождения, афротопии, афрополитанизма, которые тоже предлагают неевропейские модели времени, пространства и будущего и обращаются к проблеме panaфриканской идентичности. Месту афрофутуризма среди них посвящен пятый **параграф «Нигерийский афрофутуризм и африканские футурологии»**. Африканское возрождение сосредоточено на восстановлении традиционных ценностей и националистическом переосмыслении роли Африки после апартеида в ЮАР. Афротопия Ф. Сарры призывает к культурной революции, преодолению маргинализации и освобождению воображения. Афрополитанизм А. Мбембе фиксирует незавершенность постколониализма и зависимость Африки от Европы. На их фоне нигерийский афрофутуризм занимает особое место. Он унаследовал их panaфриканский горизонт, но впервые перенес его в сферу

художественного творчества, сделав будущее предметом работы писателей и художников, а не государственного строительства. В этой футурологии высока степень интеграции локальных культур, а темы перемещения, дома, утраты, возвращения, гибридной идентичности становятся для нее важнейшими. В отличие от американской традиции, где технология сама является художественным материалом, нигерийский афрофутуризм трактует ее прагматично – как условие преодоления цифрового разрыва между Нигерией и диаспорой, как средство выстраивания коммуникации. Такое художественное решение превращает воображение в инструмент самоопределения, через который нигерийские авторы осмысливают будущее вне европоцентристских схем.

Американский и нигерийский афрофутуризм трактуют женскую субъектность как центральный элемент художественной модели будущего. Этому посвящен шестой **параграф** первой главы **«Женские персонажи как афрофутуристическое ядро»**. Обе традиции пересматривают патриархальные структуры, работают с матриархальными мотивами и создают проекции, где женские персонажи действуют как лидеры и носительницы сакрального знания. Поэтика женской героики в афрофутуризме, особенно в его нигерийском инварианте, опирается на концепцию вуманизма, сформулированную Э. Уокер и развитый африканскими исследовательницами, например, М. Огуиндипе и О. Ннаемека. Вуманизм исходит из специфики чисто африканских форм угнетения, сосредоточен на расовой и экономической дискриминации, ориентируется на общинную ответственность, сотрудничество между мужчинами и женщинами. Вуманистическая оптика объясняет, почему афрофутуристические героини действуют как агенты коллективного преобразования, а не индивидуального процесса. Различия в конструировании женских персонажей в американской и нигерийской традициях в параграфе рассмотрено на сопоставлении романов «Притча о сеятеле» О. Батлер и «Радости материнства» Б. Эмечеты. Батлер использует автодиегетическое повествование и форму дневника, чтобы наделить Лорен агентностью пророка, основательницы общины и носительницы нового знания. Эмечета, напротив, строит реалистический нарратив о Нну Эго как жертве консервативной культуры, чья субъектность определяется внешними социальными силами, а признание достигается лишь посмертно. Различие перспектив отражает жанровые конвенции – постапокалиптическая условность в «Притче о сеятеле» допускает трансформацию героини, тогда как социальный реализм «Радостей материнства» фиксирует структурное бессилие женщины в Нигерии.

Вторая глава «Черная история и мифы в американском и нигерийском афрофутуристическом романе» представляет анализ двух пар американских и нигерийских афрофутуристических романов – «Подземная железная дорога» К. Уайтхеда и «Пэт» А. Эмези (2.1); «Барабаны Черного бога» Ф. Дж. Кларка и «Сын шторма» С. Окунгбовы (2.2) – на предмет реализации двух художественных установок, а именно: переосмысление истории и интеграция мифов и фольклора.

В первом параграфе второй главы **«Поэтика памяти и мифа в романах «Подземная железная дорога» К. Уайтхеда и «Пэт» А. Эмези»** сопоставляются поэтические средства, с опорой на которые американский и нигерийский авторы воплощают две афрофутуристические установки. В романе Уайтхеда фантастическое служит инструментом историографической реконструкции. Жанр альтернативной истории позволяет показать глубину и множественность форм насилия, с которыми главная героиня сталкивается на каждой «станции» во время побега с Юга на Север. Фольклорные интеграции, от легенд об улетающих из Америки африканцев до сакрализации связи женщин семьи Кору с землей, включают одну индивидуальную судьбу персонажа в более широкий миф о выживании, и мифологическое становится способом художественного восстановления истории.

В романе Эмези миф действует иначе, он помогает разоблачить зло, сокрытое под внешней идиллией Люсилля, в настоящем. Культура игбо интегрирована в повседневную жизнь семьи Джем и ее соседей, а фантастическая фигура Пэта выполняет роль медиатора, позволяющего увидеть преступление (педофилию), которое коллективное сознание изображаемого постреволюционного города предпочитало не замечать. Миф у Эмези играет роль механизма распознавания, и именно он ведет Джем к разоблачению дяди ее друга. В отличие от Уайтхеда, Эмези, представляя нигерийский, более прагматичный афрофутуризм, обращается не к подавленной истории, а к разрывам в настоящем.

Ретроспективно-историческая модель романа Уайтхеда создает художественное пространство, где память о рабстве становится движущей силой сюжета. У Эмези утопическая притча задает иную оптику, при которой повествование сосредоточено на нравственном испытании и на том, как мифологические структуры работают в условиях кажущегося благополучия.

Во втором параграфе второй главы **«Мифопоэтика черной истории: «Барабаны Черного бога» Ф. Кларка и «Сын шторма» С. Окунгбовы»** сопоставляются историческая и мифологическая установки американского и нигерийского афрофутуристического романа. У Кларка миф и фольклор встроены в структуру афроцентричного стимпанка и альтернативно-

исторической новеллы о Черной Атлантике. Афродиспоральные божества (ориши Ойя и Шанго), карибские легенды и фольклор превращаются в контрнарратив к американской версии прошлого. Стихия (буря) и оружие (барабанов) функционируют как образы сакрального восстания, а дух Ойи, живущей в голове главной героини, Крипер, материализует непрерывность памяти между африканцами в Африке и за ее пределами. Миф в тексте Кларка позволяет переписать историю Гражданской войны в США и Реконструкции Юга, наделяет потомков рабов политическим, технологическим и духовным превосходством и тем самым создает утопический вариант истории, где африканское наследие, свободное от стигм, становится источником силы для персонажей.

В романе Окунгбовы мифологический и фольклорный пласты организованы в координатах эпического фэнтези. В «Сыне шторма» создается автономный, но прозрачно западноафриканский мир Оон, где империя Басса вытеснила неугодные предания и объявила устную традицию и магию вне закона. Запретный кодекс Ногову, джали, образ безымянных островитян и магия ибора формируют для главного героя альтернативное знание, возвращает ему утраченные смыслы. Миф у Окунгбовы не переосмысливает европейскую версию истории, вместо этого он реконструирует доколониальное прошлое Африки, вскрывая сугубо континентальные механизмы подавления.

В афроцентричном стимпанке Кларка мифологическое встраивается в авантюрный и динамический нарратив и действует как ускоритель сюжета. Без Ойи, барабанов и карнавального кода не возникает сам альтернативный Новый Орлеан. В эпическом фэнтези Окунгбовы мифологический пласт выполняет миростроительную функцию, задавая карту художественного мира, систему каст, структуру конфликтов и траекторию инициации Дансо, превращая роман в аллегорию борьбы за возвращение «настоящей» африканской истории.

Третья глава «Технологии и социум в афрофутуристических романах США и Нигерии», как и вторая, состоит из анализа второй пар американских и нигерийских романов – «Враждебность призраков» Р. Соломон и «Не откликайся на имя» У. Олисакве (3.1); «Испытания кровью» Н. Дэйвенпорт и «Закаленная кровью» Э. Окосун (3.2). В ней показывается, как американские и нигерийские афрофутуристы реализуют другие две художественные установки, а именно: влияние технологий на идентичность персонажей и артикуляция социальных проблем изображаемых художественных миров.

В первом параграфе третьей главы **«Технопоэтика романов «Враждебность призраков» Р. Соломон и «Не откликайся на имя» У. Олисакве»** выявляются различия американского и нигерийского афрофутуристического романа, определяемые жанром, культурным контекстом и типом воображаемого. В антиутопическом романе Соломон технология низведена до структурного аналога расистской иерархии. Космический корабль «Матильда» представляет квазиплантацию с характерными для американского Юга формами насилия над чернокожими. Технологическое во «Враждебности призраков» выступает инструментом стратификации черных персонажей, контролирует их тела, память и социальный статус. Жанровая рамка позволяет превратить технологию в носителя травмы, прогресс наступившего XXIII в. присваивается белыми персонажами и закрепляет историческое насилие в космической форме.

У Олисакве же действует фэнтезийная и мифопоэтическая модель технологического, где его роль играет ритуал и сакральное знание. В «Не откликайся на имя» «технологией» является магико-культурная система взаимодействия жителей деревни с лесом и живущими в нем духами, а кризис возникает не из-за эксплуатации достижений прогресса, а из-за искаженной коллективной памяти, закрепившей несправедливый миф о Большом Отце и Большой Матери. В отличие от замкнутой антиутопии Соломон, художественный мир Олисакве открыт для этической коррекции изнутри. Молодое поколение в лице главной героини переосмысляет традицию, тем самым создавая возможность будущего, где научное и локальное духовное знание взаимодополняют друг друга.

В романе Соломон технологии представлены аллегорией отчужденной власти, травма – двигателем сюжета и персонажной идентичности. В романе Олисакве магия и ритуал выступают культурной технологией памяти героев, допускающей пересборку и обновление, и если во «Враждебности призраков» будущее невозможно без радикального переосмысления структурных форм насилия, то в «Не откликайся на имя» оно мыслится как гибридный проект, зависящий от обновления локальной традиции. При этом оба романа сходятся в том, что технологическое (космическое судно или ритуал) определяет границы телесного опыта персонажей, задает рамки их социального поведения и траектории их инициаций.

Во втором параграфе третьей главы **«Технотопосы и репрезентация социального в «Испытаниях кровью» Н. Дэйвенпорт и «Закаленной кровью» Э. Окосун»** показывается, что в американском и нигерийском афрофутуристическом романе по-разному кодируются социальные конфликты. В романе Дэйвенпорт технологии буквально встроены в

институциональные механизмы Республики Марин и обеспечивают функционирование военизированных каст. Технологии в этом романе структурно продолжают власть, они нормируют, дисциплинируют и оценивают субъектность героини. У Окосун технологическое заменено магией крови, действующей как культурная система коренного сообщества, подвергаемого истреблению. Социальный конфликт в Ифе развернут вокруг монополизации сакрального ресурса, а угнетение маркируется этнически.

Образ крови, важный для обоих романов, выполняет разные функции. У Дэйвенпорт он связывает генетику, военную инициацию и расовую предвзятость в единую систему социального контроля. У Окосун он выступает маркером памяти, исцеления и непрерывности воспроизводства художественной нации, а значит, является способом возвращения к подлинной истории. В романе Дэйвенпорт кровь закрепляет иерархию, в романе Окосун – разрушает ее. В центре обоих текстов конфликт молодых чернокожих героинь с враждебной системой, но траектории становления Икенны и Дэми различны. Первая борется за признание внутри структуры (американский афрофутуризм критикует внутренние механизмы власти и милитаризм), вторая действует из внеинституциональной позиции (нигерийский афрофутуризм сосредоточен на проблеме перераспределения культурных ресурсов по всей Африке).

Гибридное научно-фантастическое повествование Дэйвенпорт предполагает использование технологии в качестве метафоры расистской бюрократии, а эпическое фэнтези Окосун строит социальный конфликт через магию как форму знания, не доступной для враждебной иерархии. В обоих романах магия функционирует как альтернативная форма власти и определяет структуру конфликта и пути его преодоления.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

Содержание диссертации отражено в публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Мартиросян Г.Э. Афрофутуризм в канадской литературе XXI в. (на примере сборника рассказов К. Келлоу «Dominoes at the Crossroads» / Г.Э. Мартиросян // Вестник Ивановского государственного университета. – 2022. – №2. – С. 11-20 (0,6 п.л.);
2. Мартиросян Г.Э. Африканфутуризм в новейшей литературе Нигерии: роман Акуайке Эмэзи «Pet» / Г.Э. Мартиросян // Вестник

- Удмуртского университета. – 2022. – Т. 32. – №5. – С. 1104-1109 (0,48 п.л.);
3. Мартиросян Г.Э. Художественная репрезентация прошлого в афрофутуристических романах Нигерии и США / Г.Э. Мартиросян // Litera. – 2025. – №5. – С. 14-24. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74309 (дата обращения: 16.09.2025) (0, 63 п.л.);
 4. Мартиросян Г.Э. Протестантская доктрина первородного греха и биомодификация телесности в американском афрофутуризме / Г.Э. Мартиросян // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – №7 (67). – С. 1-7. – URL: <https://rulb.org/archive/7-67-2025-july/10.60797/RULB.2025.67.4> (дата обращения: 16.09.2025) (0,77 п.л.).

Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 2,48 п.л.